

ЖАНРОВО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОТОКОЛА ДОПРОСА «ВЕДЬМ» XVII ВЕКА

(на материале архивных документов региона *Курмайни*, Германия)

Статья посвящена исследованию особенностей одного из разновидностей юридических текстов раннего Нового времени - протокола допросов «ведьм» - как вторичного речевого жанра. Анализу подвергаются формальная и содержательная структура текста, раскрывается этимология и семантика лексической единицы «ведьма», выявляются причины стереотипного характера языкового оформления документа.

Ключевые слова: историческая прагматика; ведьма; протокол допроса; речевой жанр; ведьма; этимология; дефиниция; комментарий.

The article considers the peculiarities of one of the varieties of legal texts of early modern times - the protocol of interrogation of "witches" - as a secondary speech genre. The formal and content structure of the text is analysed, the etymology and semantics of the lexical unit "witch" are revealed, the reasons for the stereotypical character of the language design of the document are revealed..

Key words: historical pragmatics; witch; interrogation protocol; speech genre; etymology; definition; commentary.

Антропоцентрический подход к осмыслению языковых явлений позволяет сконцентрировать исследовательский интерес на функционировании языка в различных сферах социальной деятельности. На этом фоне вполне закономерным представляется обращение к речевым жанрам как к моделям коммуникации, отражающим социальный, культурно-исторический и психологический аспекты коммуникативного взаимодействия.

Кроме того, по-прежнему актуальным направлением лингвистики является историческая прагматика, которая изучает изменения в языке, возникающие как результат изменения коммуникативных потребностей общества. Это дает возможность исследователю приблизиться к пониманию того, какова была пропозиция высказываний, принадлежащих другим эпохам и доступных нам лишь в виде письменных источников. Установление и описание речевых жанров на определенном этапе исторического развития языка может помочь выявить особенности изменения системы речевых жанров на разных этапах существования языка, а также смоделировать речевое общение в отдаленные периоды развития языка.

Основы теории жанров речи были заложены М. М. Бахтиным, который исходил из убеждения о том, что межличностное общение тесно связано с устойчивыми ситуациями, в которых оно происходит: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров» [1, с. 271]. Идеи М. М. Бахтина нашли свое развитие во многих отечественных и зарубежных исследованиях. Так, например, В. В. Дементьев дополняет понимание речевого жанра следующим определением: «Речевой жанр – это исторически сложившийся в определенной сфере общения устойчивый тип текста, для которого характерно единство формы и содержания, обеспечивающее целенаправленное социальное взаимодействие людей в типических ситуациях общения» [2, с. 77].

В немецкой лингвистике жанровое разнообразие текстов традиционно изучается в рамках теории типов текста. В общем виде под типом текста (нем. *Textsorte* ‘тип текста’) «языковая, но в то же время коммуникативная единица, ..., грамматически или тематически связанная (когерентная) последовательность языковых знаков, реализующих коммуникативную функцию» [3, с. 20].

Пользуясь основными положениями теории речевых жанров М. М. Бахтина протокол допроса «ведьм» как письменный юридический документ можно квалифицировать как вторичный речевой жанр по отношению к первичному речевому жанру допроса в устной форме. У протокола допроса «ведьм» имеется автор, т.е. «исполнитель документа, который фиксирует в письменном документе происходящее на допросе в соответствии с функциональными требованиями судебно-правовой системы раннего Нового времени» [4, с.118].

Как культурно-исторический и социальный феномен «охота на ведьм» оказала существенное влияние на осмысление религиозных, государственных и гражданских основ общественной жизни раннего Нового времени. Установлены и описаны как хронологические, так и географические рамки этого явления: XVI - XVII вв. – это время наиболее интенсивного судебного преследования за колдовство на территории Европы, жертвами которого стали от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, причем около половины сожжений «ведьм» приходится на территорию современной Германии [4, с.118]. Массовый характер «охоты на ведьм» в эпоху Реформации и последовавшей за ней Тридцатилетней войны проявляется в факте привлечения к суду не только женщин, но и мужчин, о чем свидетельствует и материал нашего исследования.

Фольклорный образ ведьмы, лежащий в основе именованного феномена, раскрывается при помощи этимологического и дефиниционного анализа лексемы. В современном немецком языке существительное *die Hexe* этимологически связано с лексемами дивн. *hazussa, hazazussa*, свн. *hecse*, да. *hægtesse*, а. *hag*, которые, в свою очередь, представляют собой развитие общегерманской композитной формы **hagahatusī*, состоящей из двух корней герм. **hag(a)* ‘изгородь из кустов или деревьев, забор’ и герм. **tusī* ‘эльф, приведение, дух’ [5]. Таким образом, первоначальный образ ведьмы в западногерманском мифическом сознании основывается на представлении о ней как о некоем демоническом существе, духе, обитающем в лесу, недалеко от жилья человека или непосредственно на крыше или заборе жилищ в ожидании возможности нанести ущерб человеку. Именно способность наносить ущерб и обладание колдовской, демонической силой являются центральными в определениях сущности ведьмы, что подтверждают следующие фрагменты дефиниций 1) «... [*dämonisches*] *Wesen (...), das über Zauberkräfte verfügt [und damit den Menschen Schaden zufügt]*» ‘[демоническое] существо (...), которое обладает колдовской силой [и тем самым наносит ущерб человеку]’ [6]; 2) «... *dämonisches Märchen- oder Sagenwesen, ..., die Schadenszauber auf den Menschen ausüben kann*» ‘... демоническое существо из сказок и легенд, ..., которое наносит вред человеку посредством колдовства’ [7].

Анализ словарных дефиниций лексемы *ведьма* позволяет выделить дополнительные характеристики этого «демонического существа»: 1) гендерная характеристика - *weibliches Wesen* ‘существо женского пола’; 2) внешность - *häßliches Weib* ‘отвратительная женщина’ [5]; «*dämonisches Wesen oft in Gestalt einer hässlichen, buckligen alten Frau mit langer krummer Nase*» ‘демоническое существо часто в образе отвратительной горбатой старой женщины с кривым носом’ [6]; «*dämonisches Märchen- oder Sagenwesen in Gestalt einer hässlichen, zauberkräftigen Greisin mit einem Buckel und einer langen, krummen Nase*» ‘демоническое сказочное существо в образе отвратительной колдовской старухи с горбом и длинным кривым носом’ [7]; 3) характер – «*bösartige, zänkische, unangenehme weibliche Person*» ‘злобная,

скандальная, неприятная женщина' [6]; «*bösgesinntes (...) Märchen- oder Sagenwesen*» 'злое сказочное существо' [7]; 4) связь с дьяволом – «*eine mit dem Teufel im Bunde stehende Frau*» 'состоящая в союзе с дьяволом женщина' [7]; «*als mit dem Teufel im Bunde stehend betrachtete, über angebliche Zauberkräfte verfügende weibliche Person*» 'рассматриваемая как состоящая в союзе с дьяволом, обладающая вероятной волшебной силой женщина' [6]; «*mit dem Teufel durch einen Pakt oder Buhlschaft verbündet ist*» 'связанная с дьяволом пактом или сводничеством' [7].

В конкретных судебных случаях в полной мере реализуются следующие из вышеназванных характеристик: гендерная принадлежность – гонениям подвергаются в основном женщины; основа обвинения – связь с дьяволом, сводничество. Черты характера и внешность не эксплицируются в протоколах допроса, но не исключено, что «ведьмами» объявлялись женщины с необычной или неприятной внешностью.

Материалом исследования являются протоколы допросов обвинённых в колдовстве жителей Курмайнца (территория нынешнего города Майнц, Германии), судебные разбирательства по делам которых происходили с сентября по ноябрь 1627 года объемом от 1536 до 2554 словоупотреблений [8]. Обвиняемые имеют различный социальный статус: Анна Штарк работала акушеркой и была заподозрена в колдовстве из-за высокой детской смертности, через некоторое время после её казни та же участь постигла её мужа и сына. Оттилия Шпонсейл, вдова, происходящая из уважаемой семьи, избежала приговора в 1612 г., но была повторно допрошена и приговорена к смерти в 1627 г. Михель Фриц, предположительно работающий мельником, был женат, имел двух дочерей и сына. О Никласе Эхерейтере известно только то, что кроме него были казнены его жена, их сын и четыре дочери.

Исследуемые тексты протоколов допроса представляют собой зафиксированные в качестве стенограммы ответы подсудимых на вопросы обвинения, изложенные в 98 пунктах специального документа – *Specialia Interrogatoria* [8]. Тип текста «протокол допроса» включает в себя обязательные структурные части: комментарий автора протокола в начале, 1) представляющий собой краткую характеристику обвиняемого, и в конце, 2) констатирующий правдивость содержания допроса; пункты протокола 1 – 20 - показания обвиняемого о первой встрече с дьяволом и описание контакта с ним; пункты протокола 21–40 - описание некоторых обязательных ритуалов и празднеств с участием нечистой силой; пункты протокола 41–80 - подробное описание способов использования обвиняемыми своих способностей для порчи урожая или детоубийства, а также перечисление потерпевших; пункты протокола 81–91 - признание вины.

Каждый протокол начинается с указания составителя документа на то, что показания даются по доброй воле и без применения пыток: (1) «*Anna Hanß Starcks Wittib die hebAm, ..., sagt guttlichen Und ohne tortur...*» 'Анна, вдова Ханса Штарка, ..., говорит добровольно и без пыток...'.

В заключительной части протоколов, являющейся своего рода «последним словом», обвиняемые делают признание о том, что их действия были лишены злого умысла: (2) «*Sagt Ja, Vnd hab kein Böse gedancken darbey gehabt*» ‘Говорит да, не имела при этом злой мысли’. Затем следует повторное клишированное подтверждение зафиксированных признаний, маркированное формами конъюнктива 1: (3) «*Ob sie zu erleichterung ihres gewissens vnnnd information der Obrigkeit zu Außreüttung dißes erschrecklichs hauptlasters noch etwas ferneres Anzuzäugen wisse: oder da ihr Zeit wehrender verhaffung noch ein mehrers einfallen solte, solches ihrer Seelenseligkeit zuuorderst zum besten, vnnnd dan zubeforderung der Heylsamen Justitien nach der handt mit warheits bestandt Anzeigen wölle? — Sagt Ja:Und diese Ihre bekandtnus seye die rechte Warheit, daruf sie lebe[n] und sterbe[n] wölle*» ‘Может ли она для облегчения своей совести и для информирования суда еще что-нибудь сообщить: или во время ареста ей еще многое вспомнится, что пойдет на пользу ее душе, и что она захочет позже правдиво сообщить Священному Суде?’ – Говорит да: и это её признание является чистой правдой. После этого она хотела бы либо жить, либо умереть’.

В заключительной часть протокола содержится также пояснение автора о том, что обвинённый повторил и подтвердил всё написанное с указанием даты: (4) «*4. Nouemb. hat Sponseiß Otilia hievor geschribene Ihre Bekandtnuß nochmahß in d. gute repetirt und wiederhole*» ‘4 ноября Оттилия Шпонсейл повторила ещё раз свое добровольно записанное признание’.

В текст включены также фрагменты, содержащие пояснения, противоречащие самообличающим заявлениям обвиняемых: (5) «*{hat sich weder stecken noch schmir befunden} Das Schmir sey ihn einem kleinen hefflein hinder stecken ... gestelet worden*» ‘{не нашлись ни мазь, ни посох} Мазь стоит в маленьком глиняном горшке за посохом’.

К особенностям исследуемого текста можно отнести т.н. маргиналии или специальные пометы автора на полях текста слева. Самыми частотными (16 использований) являются указания на персон, находящихся в зале суда при допросе: (6) «*{Findet sich also.} Item Petter Fritzen Vor 2 Jahrn ein Söhnlein Hanß genandt so 14 tag altt, habe demselben im Badt das Hirnschälgen eingedruckt*» ‘{Находится.} Также Петер Фрицен два года назад сын названный Хансом 14 дней от роду, продавала ему черепную коробку’. Встречаются также единичные случаи комментариев, поясняющие показания обвиняемого, например: (7) «*{Paul Arnolds weib ist verstorben}*» ‘{Жена Пола Арнольдса умерла}’; (8) «*Sie hab Vor Vngefehr Vnd die Verstorbene hans Anders frauw {habe vor ohngefehr 20 Jahren}.... Schnatzen Kahtrina Zu frylings Zeitt in ihrem hoff angedredt*» ‘Она и покойная жена Ханса Андерса {приблизительно 20 лет назад} весной обратились к Катрине Шнатцен в её дворе’. В данных комментариях содержится информация о свидетелях,

большинство из которых умерли и не могут быть вызваны в суд. Только один свидетель находился в зале суда и показание зафиксировано с его слов: (9) «{* *hannß Kemp befragdt. sagt, daß sie dieß Kindt ahn tochter * den Röten 4 wochen lang kranck gelegen und endtlich gestorben sey*}*» ‘{* опрошенный Ханс Кэмп говорит, что этот ребёнок, дочь, 4 недели лежала больной краснухой и в конце концов умерла}*’.

Протокол допроса как юридический документ содержит латинские элементы. Например, наречие *item* (лат. ‘также, так же, так же’), функционирующее как инициальный элемент при перечислении преступлений: (10) «*Item vor ongefehr 6 Jahrn hette sie Adam Rückern aus antrieb ihres buhlgeist ein töchterlein Cathrina, so 4 tag altt, auf Vorige Weiß Vmbgebracht*» ‘Также примерно 6 лет назад схожим способом и по требованию своего демона она убила дочку Адама Рюкерна Катарину, которой было 4 дня’. Также к элементам структуры можно отнести латинские сокращения, выполняющие дейктическую функцию: (11) «*uti sup. apud 1 et 4*» ‘Используй пункт выше 1 и 4’; (12) «*Hanß Fridrich der Jung Vnd sein Schwester. Susanne. Vide 64*» ‘Сын Ханса Фридриха и его сестра Сюзанна. Смотри [пункт] 64’.

Представляется, что структурные и жанровые особенностям ранне-новороверхненемецкого протокола допроса обусловлены в основном влиянием образцов латинских юридических документов и заключаются в следующем:

1) Стереотипный характер документа проявляется в его трехчастной структуре (вводная часть – основная часть – заключение) и в почти дословном совпадении показаний обвиняемых, что обусловлено строгим порядком проведения допроса, его официальным статусом, а также наличием специального документа-вопросника, определяющим содержание допроса.

2) Использование т. н. помет комментирующего характера на полях документа (маргиналии), внутри текста, а также латинских элементов, выполняющих дейктическую функцию и реализующих когерентность текста.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Деменьтев, В. В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. 600 с.
3. Brinker, K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.
4. Неборская, Л. Н. Протокол допроса «ведьм» как вторичный речевой жанр// Универсальное и национальное в языковой картине мира: Материалы V международной научной конференции, Минск, 21 –23 октября 2022 г. / Минский гос. лингвистический ун-т. Минск: МГЛУ, 2022. С. 118 –121.
5. DWDS URL: <https://www.dwds.de/wb/hexen> (дата обращения: 14.09.2023).
6. DUDEN URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Hexe> (дата обращения: 14.09.2023).
7. WORTBEDEUTUNG.INFO URL: <https://www.wortbedeutung.info/Hexe> (дата обращения: 14.09.2023).
8. Hexenprotokolle in Kurmainz: Verhörprotokolle // Stadtarchiv Mainz Hexenprozesse in Kurmainz. URL: <http://www.hexenprozesse-kurmainz.de/quellen/stadtarchiv-mainz/die-verhoerprotokolle> (дата обращения: 01.10.2023).